

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРОВ МОРДОВСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Т. В. ГЕРАСЬКИН,

*кандидат филологических наук, докторант,
доцент кафедры общенаучных дисциплин Ковылкинского филиала
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Ковылкино, РФ)*

В мордовском литературоведении традиционно считалось, что истоки национальной исторической прозы восходят к 1920-м гг. [12, 5]. Такая точка зрения была связана с отрицанием мордовского дореволюционного историко-литературного процесса на том основании, что мордва до Октябрьской революции «была бесписьменной и не имела своей печатной художественной литературы» [3, 314]. В частности, Н. Сайгин первыми произведениями исторического жанра считает стихотворения Н. Паляева «Кода трудяца сокицятне учость революциянтъ» («Как трудящиеся крестьяне ждали революцию»), М. Пятайкина «Октябрюнь революциянтъ нурька историязо» («Краткая история Октябрьской революции»), А. Шушкина «Мокшень камаринский» («Мокшанская камаринская») и другие, им подобные, в которых восторженно воспринимались явления революционной действительности и отрицались пережитки прошлого [12, 8].

Однако в ряде исследований доказываются несостоятельность таких взглядов. Например, академик Н. И. Конрад писал: «Следует опасаться произвольного сужения понятия “литература”, предположения, что она всегда слагалась из поэзии, повествовательной прозы и драмы: были целые эпохи, когда литература, притом художественная, слагалась из совершенно других элементов» [6, 389].

Анализ мордовской крестьянской литературы (устных поэтических и прозаических произведений, записанных учеными

со слов крестьян в конце XIX в.) позволил С. А. Алешкиной сделать вывод, что «это по существу уже первые попытки художественного осмысления многовековой истории мордовского народа», в которых в историзованной форме передаются события народной жизни: «легендарные древнемордовские мотивы о племенных предводителях мордвы Тюштыне и его жене Пештене, а также некоторые явления периода активной христианизации мордовского народа, отголоски событий времен крестьянских восстаний под предводительством Разина и Пугачева, период революции 1905–1907 годов» [1, 8].

Писатели не ограничивались отражением истории. Проанализировав произведения «Мордовская история» и «Мордовская земля» Т. Завражного и С. Ларионова, С. А. Алешкина указывает, что «через различного рода занимательные истории, почерпнутые из библейских источников и русской литературы, через мотивы и образы, заимствованные из национального фольклора, авторы пытались художественно изложить свое понимание межнациональных связей мордовского народа не только с русским и другими народами Поволжья, но и со странами Средиземноморья и Арабского Востока» [1, 8]. Мы считаем, что в лучших произведениях мордовской крестьянской литературы их создатели излагали свою, безусловно, наивную с научной точки зрения концепцию слияния истории мордовского народа со всемирной историей. При этом очень интере-

сен тот факт, что сюжетное действие не ограничивалось ни территориальными, ни временными рамками.

Революционная действительность потребовала от литературы беспощадной борьбы со старым миром. Стихотворения 1920-х гг. носили открыто агитационный, плакатный характер. Однако новая реальность внесла настолько огромные изменения в быт и психологию людей, что поэзия и фольклор не смогли осмыслить их сущность в полной мере. Этой причиной обусловлено появление новых жанров, новых традиций в мордовской литературе.

В тематике произведений происходило постепенное расширение действия во времени и пространстве. Герои изображались в разное историческое время: до революции и после. Сопоставление позволяло авторам показать влияние революционных событий на судьбу конкретного человека. Таким образом, в 1920-е гг. «формула “прошлое-настоящее” обрела контуры будущей исторической романистики, которая, зародившись в недрах поэтических жанров, постепенно осваивалась и жанрами прозаическими» [12, 9]. В середине 1920-х гг. ведущим литературным жанром стал рассказ. Писатели стремились осмыслить и отобразить участие своего народа в революционно-освободительной борьбе; наметилась тенденция к географическому прослеживанию судеб отдельных представителей мордовского народа в сражениях на фронтах Гражданской войны.

Отказ от статичной формулы «прошлое-настоящее» заметен в рассказе Д. Морского «Бедной Олодя» («Бедняк Володя», 1923). Характер главного героя, показанный в движении, «увеличивал событийное богатство произведения, требовал от художника умения из событийной цепи выбора главных, основных звеньев, подчинения их определенной художественной логике» [9, 31]. Следует отметить максимальное упрощение писателями сюжетов своих произведений, стремление к доступности, обусловленное общим уровнем культуры читателя.

А. Куторкин и А. Дуняшин в своем творчестве от рассказа переходят к созданию крупных художественных форм. С конца 1920-х – начала 1930-х гг. заметна тенденция писателей к осознанному историзму – достоверному воспроизведению исторических событий и характеров героев. Тема революционной борьбы народных масс обретает черты зрелости: социально-классовые конфликты разрешаются в динамике. Вследствие этого на рубеже 1920–1930-х гг. литераторы обращаются к исторической тематике: А. Куторкин в романе «Раужо палмань» («Черный столб», 1932), А. Дуняшин в романе «Кирва тол» («Вечный огонь», 1929).

При сохранении литературных традиций и национальных черт жанровое многообразие помогает писателям создать широкую панораму исторического прошлого своего народа. Особенностью современной мордовской исторической прозы является взаимопроникаемость различных жанрово-стилевых структур.

Литературовед М. М. Кузнецов говорит о появлении в 1920–1930-е гг. нового типа романа, приближенного к многоохватному эпическому жанру: «От романа ждали решения многих проблем: воплощения в самых широких, монументальных формах образа революционного народа; не только отражение, но и осмысление величайшего революционного перелома; ждали настоящего героя современности» [7, 257]. Уже на базе нового романа, продиктованного грандиозными сдвигами в истории и развитии литературы, выделяется исторический роман.

В мордовской литературе 1920–1930-х гг. также готовилось появление исторических романов. Время оказалось до отказа заполненным событиями огромной значимости (Октябрьская революция, Гражданская война и др.). В общественных отношениях, психике человека происходила глубинная перепашка – сама эпоха

была исторична. Возникла потребность постичь прошлые эпохи.

Далекое историческое прошлое мордовского народа разрабатывается в эти годы в основном в поэтических жанрах: в поэмах П. Кириллова «Утро на Сура», Я. Кулдуркаева «Эрмезь», Н. Эркая «Песня о Раторе», романе в стихах А. Куторкина «Ламзурь». Авторы этих произведений обращаются к разным периодам истории родного народа. Например, «Ламзурь» (1941) повествует о восстании мордвы Терюшевской волости Нижегородской губернии в 1743–1745 гг. «Ламзурь», по мнению М. И. Ломшина, – одно из первых в мордовской литературе произведений на историческую тему, в основе которого лежат подлинные события, а главные герои – реальные исторические лица [8, 7]. Лирическая поэма Н. Эркая «Песня о Раторе» (1934) посвящена борьбе мордовского народа против царского колониального ига. Интересны пьесы П. Кириллова «К. Алексеев» (1935) и «Литова» (1939). Первая посвящена восстанию мордвы 1808–1810 гг. под предводительством Кузьмы Алексеева. Сюжетную основу «Литовы» составили события, связанные с участием мордовского народа в антикрепостническом восстании под предводительством Степана Разина.

Рост национального самосознания мордовского народа объективно способствовал разработке исторической тематики. Однако, по мнению В. М. Макушкина, «не только недостаточное развитие исторической науки сдерживало обращение к другим эпохам... Хотя потребности того времени ставили такие задачи, наши художники еще не умели спрессовывать большие отрезки времени исторических эпох и увязывать их с современными потребностями общества» [9, 68].

В 1920–1950-е гг. преобладающей жанровой формой произведений мордовской литературы на историческую тематику являлись эпическая поэма и стихотворная драма («Литова» П. Кириллова, «Песня о Раторе» Н. Эркая, «Ламзурь» и «Яблоня у большой дороги» А. Куторкина, «Эр-

мезь» Я. Кулдуркаева). Начиная с 1960-х гг. в произведениях исторической тематики заметно преобладают прозаические формы. Это качественно новый признак мордовской литературы того периода. В прозаическом произведении, как правило, влияние исторического документа превалирует над фольклорным источником. Писатели Мордовии активно осваивают жанр многопланового эпического историко-революционного романа.

Мордовский исторический роман во второй половине XX в. стремительно развивается, обретает новые внутрижанровые формы. Можно выделить четыре наиболее характерные разновидности исторического романа.

К первому типу относится историко-революционный роман, сохраняющий устойчивые позиции. Среди произведений этого периода особое место принадлежит роману-трилогии А. Куторкина «Лажныця Сура» («Бурливая Сура», кн. 1. 1969; кн. 2. 1972; кн. 3. 1987), в котором писатель воссоздает события периода 1890–1930-х гг.

В 1970–1980-е гг. произведения мордовской литературы на историко-революционную тематику тяготеют к крупномасштабным формам, прежде всего дилогиям и трилогиям. Выходят первые книги трилогии А. Щеглова «Кавксть чачозь» («Дважды рожденный», кн. 1. 1980; кн. 2. 1988), романы А. Мартынова «Толонь селмот» («Огненные крылья», 1984) и «Даволдо икеле» («Перед ураганом», 1988).

В историко-революционной прозе обновляющие тенденции переплетаются с традицией. Она уже не ограничивается художественным исследованием восприятия на территории Мордовии событий русских революций и Гражданской войны, но вбирает в себя все события русской истории первой половины XX в., все большее внимание переносит на изображение созидательных начал жизни.

Второй тип – это стремительно развивающийся жанр сказания. Например, в повести «Гурьян» В. Левина (1978) объ-

ектом изображения стали ногайские набеги на мордву. Отсутствие достаточных исторических сведений об этом периоде заставило писателя построить произведение на основе легенд, что нашло отражение как в способе показа событий, так и в системе персонажей. Писатель яркими красками изобразил борьбу мордовского народа против ногайцев.

В конце 1980-х гг. два романа-сказания создал К. Абрамов: «Пургаз» (1988) – о жизни мордовского народа в конце XII – начале XIII в. и «Олячинть кисэ» («За волю», 1989) – о ходе Разинского восстания на территории Мордовии, во главе которого стояли Алена Арзамасская и Акай Боляев. Основу романов составили летописные материалы и архивные документы, что позволило К. Абрамову создать художественно достоверную картину прошлого [4].

Третий тип исторического романа, весьма близкий к роману-сказанию, составляет историко-приключенческий жанр. Это повесть М. Брыжинского «Половт» («Набат», 1982), рассказывающая о совместной борьбе русских и мордвы против монголо-татарских поработителей; роман Н. Учватова «Маркуз и Лундан» (1985), в котором повествуется о драматических моментах сближения русского и мордовского народа, о первых шагах к установлению добрососедских отношений, сделанных князьями Пурешем и Юрием Всеволодовичем. Во многих эпизодах романов-сказаний (а частично и произведений историко-приключенческого жанра) заметно влияние фольклорных традиций, проявляющееся как в отборе изображаемых событий, так и в построении образной системы. Главный герой чаще всего идеализирован, а его антипод обладает всеми возможными недостатками. Ткань исторического повествования часто прерывается лирическими отступлениями, в чем ощутимо воздействие стихотворно-фольклорных произведений.

Особенно сильно влияние устно-поэтического творчества сказалось при отборе художественно-изобразительных

средств в повести В. Левина «Гурьян». Писатель часто использует риторико-синтаксические обороты, «зачины» многих эпизодов, что было оценено критикой как «недостаточная развитость национальных традиций художественно-исторической прозы» [11, 205]. В историко-приключенческой повести М. Брыжинского «Набат» колорит времени передается использованием архаизмов, а из арсенала фольклорных элементов писатель успешно использует художественный параллелизм.

В тематике произведений происходило постепенное расширение действия во времени и пространстве. Герои изображались в разное историческое время: до революции и после. Сопоставление позволяло авторам показать влияние революционных событий на судьбу конкретного человека.

При сохранении литературных традиций и национальных черт жанровое многообразие помогает писателям создать широкую панораму исторического прошлого своего народа. Особенностью современной мордовской исторической прозы является взаимопроникаемость различных жанрово-стилевых структур. Происходит интенсивное внутрижанровое взаимодействие отдельных разновидностей исторической прозы.

В 1970-е гг. закладывает свои традиции в прозе и «биографический роман на основе богатого историко-познавательного и художественно-эстетического материала, на фоне широкой исторической панорамы сложнейшего периода русской и национальной истории» [10, 204]. У истоков историко-биографического романа в мордовской литературе стоял К. Абрамов. Трилогия «Сын эрзянский» (кн. 1. 1971; кн. 2. 1973; кн. 3. 1977) воссоздала жизнь и творческий путь великого скульптора С. Д. Нефедова (Эрзи) и положила начало четвертому типу национального исторического романа.

Свое дальнейшее развитие жанр историко-биографического романа получил в творчестве М. Петрова. Главные герои его произведений – люди, жизнь которых оставила глубокий след в истории России: П. А. Румянцев-Задунайский, Ф. Ф. Ушаков, Алена Арзамаская. Романы «Румянцев-Задунайский», «Боярин Российского флота», «Алена Арзамаская» интересны углубленным пониманием исторических судеб мордовского народа, его неразрывной связи с русским народом [5, 215].

Во многом наличие исторических сведений о давно прошедших событиях предопределяло выбор писателями той или иной разновидности исторического романа. Так, роман-сказание предполагает более тесную связь с фольклором, во многом умозрительную трактовку героев, событий, поступков. Роман-сказание – прежде всего роман о «народной душе, веками складывающихся народных представлениях о доброте, честности, справедливости» [2, 37]. Писатели воссозда-

ют цельный полнокровный образ народа, рисуют яркие народные типы. В этом жанре ощутимо сказывается стремление писателей восполнить недостающие исторические документы легендой или преданием. Эпизоды романов-сказаний часто весьма сомнительны с точки зрения исторической науки, но воссозданная в зримых образах и бытовых деталях жизнь народа, события далекой действительности, связанные с историческим прошлым мордвы, позволяют читателю заглянуть в глубину веков.

Для национальных исторических романов в целом характерны широкий спектр исторической типизации, реалистическое воссоздание прошлого, пристальное внимание к судьбам конкретных людей, в которых отражается жизнь. Многообразие жанров и жанровых форм повествования в мордовской исторической прозе связано с раздвинутостью тематических горизонтов жанра: здесь и далекая история, и история, которую еще помнят современники.

Поступила 13.06.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алешкина, С. А.* Формирование жанров и художественных традиций мордовской литературы конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Алешкина. – Саранск, 1990. – 16 с.
2. *Брыжинский, А. И.* Современная мордовская проза : движение жанра / А. И. Брыжинский. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. – 232 с.
3. *Воронин, А. Д.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии / А. Д. Воронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1976. – 358 с.
4. *Гераськин, Т. В.* Русь и Мордва в фольклоре и исторической прозе / Т. В. Гераськин, Е. А. Шаронова. – Саранск, 2013. – 328 с.
5. *Гераськин, Т. В.* Тема интеграции народов в современной мордовской исторической прозе (на примере произведений Михаила Петрова) // Финно-угорский мир : экономическое и социокультурное развитие. – Саранск, 2011. – С. 207–215.
6. *Конрад, Н. И.* Запад и Восток / Н. И. Конрад. – М. : Наука, 1968. – 442 с.
7. *Кузнецов, М. М.* Пути развития советского романа / М. М. Кузнецов. – М. : Знание, 1971. – 265 с.
8. *Ломшин, М. И.* Творчество А. Д. Куторкина и развитие эпических традиций мордовской советской литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. И. Ломшин. – Саранск, 1990. – 16 с.
9. *Макушкин, В. М.* Начало пути / В. М. Макушкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 148 с.
10. *Макушкин, В. М.* Обретение зрелости / В. М. Макушкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 224 с.
11. *Малькина, М. И.* Современность исторической прозы // Современная мордовская литература. 60–80-е гг. : в 2 ч. – Саранск, 1991. – Ч. 2. – С. 200–210.
12. *Сайгин, Н. М.* Мордовский исторический роман : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Сайгин. – Рузаевка, 1977. – 21 с.